

Беременность, роды и здоровье трудовых мигранток из Средней Азии в России

Дмитрий В. Полетаев^{1,2}

1 Региональная общественная организация «Центр миграционных исследований», Москва, 117418, Россия

2 Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Москва, 117418, Россия

Получено 1 November 2021 ♦ Принято в печать 10 December 2021 ♦ Опубликовано 29 December 2021

Цитирование: DV Poletaev (2021) Pregnancy, childbirth and health of female labour migrants from Central Asia in Russia. Population and Economics 5(4): 50–65. <https://doi.org/10.3897/popcon.5.e73815>

Аннотация

Работа содержит анализ данных о здоровье, опыте беременности и рождения ребенка у трудовых мигранток, прибывающих в Россию из Средней Азии. Эмпирическую основу оценок составили данные трех опросов, проведенных в 2015, 2017 и 2020 гг. и суммарно охвативших 2028 мигранток из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана, проживающих в России. Анализ этих данных показал, что при постепенной феминизации трудовой миграции из Средней Азии беременность и роды у значительной части трудовых мигранток проходят в рискованных жизненных условиях; сложившаяся система охраны женского здоровья и материнства для них в России нуждается в модернизации. В выборках опросов 2015–2020 гг. обнаружены большие доли мигранток, имевших опыт беременности и родивших детей в России, и меньшие доли мигранток, прервавших беременность, чем в более ранних исследованиях на эту тему. Эти различия могут свидетельствовать об изменении репродуктивного поведения женщин, приезжающих на работу в Россию из стран Средней Азии. Представленная работа показывает необходимость проведения углубленных исследований репродуктивного поведения трудовых мигранток в России, а также развития национальной миграционной статистики, которая должна стать гендерно чувствительной.

Ключевые слова

здоровье мигрантов, женская миграция, трудовая миграция, Средняя Азия, Россия, репродуктивное поведение

Коды JEL: I12, I18, J13, J61, J68

Введение

Интенсивные миграционные потоки в евразийской миграционной системе [Ивахнюк, 2008] делают насущным вопрос о медицинском обеспечении иностранных работников и охране их здоровья. Однако многие задачи в области медицинского обеспечения и здоровья трудовых мигрантов пока

остаются нерешенными и даже не входят в число приоритетных, в том числе в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Алиев, 2016; Полетаев, Флоринская, 2015; Poletaev, 2018; Полетаев, Зайончковская, 2019]. Одновременно с этим здоровьем трудовых мигрантов, в частности здоровьем женщин — трудовых мигранток, в России посвящено лишь незначительное число научных исследований [Ивахненко, 2013; Кислицына, 2013; Нафеев и др., 2013; Трудовая миграция, 2010].

Одним из трендов трудовой миграции в Россию из Средней Азии является постепенная ее феминизация [Женщины-мигранты..., 2011; Полетаев, 2016; Насритдинов и др., 2016; Poletaev, 2019]: к примеру, доля женщин в общем миграционном потоке из Киргизии достигает 40%. При этом если в 2000–2010 гг. в Россию в основном приезжали замужние трудовые мигрантки, прибывающие вместе с мужем, то со временем в этом потоке появились и незамужние и разведенные женщины, в том числе из семей, распавшихся в результате трудовой миграции (мужья, длительно находящиеся в трудовой миграции, создавали новые семьи и/или разводились со своими женами, находящимися на родине) [Женщины-мигранты..., 2011].

При этом репродуктивное поведение трудовых мигранток, прибывающих на территорию страны, изучено слабо [Женщины-мигранты..., 2011; Агаджанян, Зотова, 2011; Пешкова, Рочева, 2013; Флоринская, 2012; Защита прав москвичей..., 2014]. Целью данной работы является презентация данных, полученных автором в специальных опросах, проведенных в 2015, 2017 и 2020 гг., о здоровье, опыте беременности и рождения ребенка у трудовых мигранток. Ориентируясь на актуальные оценки состава прибывающих в Россию трудовых мигрантов, в соответствии с которыми более 75% общего потока приходится на выходцев из Средней Азии [Отдельные показатели..., 2020], автор фокусируется на исследовании поведения мигранток из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

Эмпирическая основа исследования

В работе использованы данные трех опросов, проведенных автором в 2015, 2017 и 2020 гг. [Полетаев, 2016, 2021; Полетаев Злобина, 2018] среди трудовых мигранток из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, проживающих в России. В общей сложности в ходе трех раундов было проанкетировано 2028 женщин. Для опроса 2020 и 2017 гг. были выбраны три российских города, имеющих высокую притягательность для мигрантов из Средней Азии (Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург), а опрос 2015 г. проводился в пяти городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань и Нижний Новгород). Основные характеристики выборки по каждому году приведены в табл. 1.

Москва — главный миграционный центр в России и самый богатый российский город, имеющий наиболее развитую экономику, из года в год притягивающий наибольшее количество мигрантов. Прибывающие в Москву мигранты характеризуются высокой возрастно-половой и профессиональной дифференциацией, различаются по уровню зарплаток и опыту проживания в России. Санкт-Петербург — второй по значимости и уровню притягательности для мигрантов российский город, имеющий богатую миграционную историю. Екатеринбург — главный центр притяжения мигрантов в Уральском регионе, крупный промышленный и административный центр, имеющий постоянный спрос на иностранную рабочую силу. Казань — столица Татарстана, город, где мигрантки из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана — стран с преимущественно мусульманским населением — имеют возможность проживать рядом с мусульманской частью населения России. Нижний Новгород — важный экономический, промышленный, научно-образовательный и культурный центр России, крупнейший транспортный узел и административный центр Приволжского федерального округа, центр Нижегородской агломерации — шестой по величине в стране и второй в Среднем Поволжье; в связи с этим он также оказывается притягательным для мигрантов. Этими факторами обусловлены выбор географии опроса и структура респондентов по городам их пребывания.

Таблица 1. Основные характеристики выборки опроса мигранток 2015, 2017 и 2020 гг.

		2015 г.	2017 г.	2020 г.
Общий размер выборки, человек		1239	349	440
Размер подвыборки по стране происхождения, человек	Таджикистан	634	—	152
	Киргизия	605	349	151
	Узбекистан	—	—	137
Размер подвыборки по городу пребывания, человек	Москва	390	150	195
	Санкт-Петербург	250	100	127
	Екатеринбург	209	99	118
	Казань	190	—	—
	Нижний Новгород	200	—	—
Возрастная структура, % от выборки	18–25 лет	34	37	28
	26–35 лет	33	31	39
	36–60 лет	33	32	33
Опыт работы в России, % от выборки	1–2 года	50	55	50
	3 года и более	50	45	50

Выборки всех трех опросов состоят из работающих мигранток из Средней Азии и не включают иные группы мигранток (иностранных студенток, несовершеннолетних мигранток, мигранток пенсионного возраста, безработных и проч.), так как все они имеют иные жизненные условия и стратегии интеграции и адаптации. Это отличие обуславливает необходимость изучать их репродуктивное поведение отдельно. По этой же причине в выборки опросов не были включены трудовые мигрантки, имеющие, помимо гражданства своей страны, российское гражданство или вид на жительство в России. При этом в связи с тем, что в исследование во всех пяти городах были вовлечены сотрудники российских неправительственных организаций, оказывающие прямую помощь мигранткам и владеющие киргизским, таджикским или узбекским языками, в выборку удалось включить респонденток, плохо знающих русский язык и входящих в группу наиболее уязвимых мигранток, хуже остальных интегрирующихся в российское общество.

Опросы проводились по структурированным вопросам с использованием техники очного интервью, самозаполнение анкет не разрешалось. Опрос проводился опытными интервьюерами по месту работы либо проживания респонденток. В качестве первичных точек опроса выбирались районы городов, где проводилось исследование, и эти районы заранее распределялись между интервьюерами. В качестве вторичных точек опроса выступали различные объекты внутри районов, где и опрашивались мигрантки — не более двух респондентов на одной точке. Дополнительно использовалось ограничение на включение в выборку женщин, проживающих в одном домохозяйстве. Ранее этот подход был апробирован в исследовании Центра миграционных исследований [Женщины-мигранты..., 2011], где он показал свою эффективность.

Выборка во всех трех опросах котирировалась по трем параметрам: возраст, опыт проживания в России и гражданство. Квоты по другим характеристикам не вводились, но интервьюеры соблюдали подход максимально возможного разнообразия по занятости респонденток. Этот подход был апробирован в исследовании 2015 г., и в результате его реализации удалось выде-

лить четыре основные сферы занятости мигранток из Средней Азии: (1) оптовая и розничная торговля, (2) услуги в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах, (3) прочие услуги, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги, а также (4) услуги в частном домохозяйстве. Последняя сфера занятости мигранток характерна для российских городов. Этот же подход был применен в 2017 и 2020 гг.

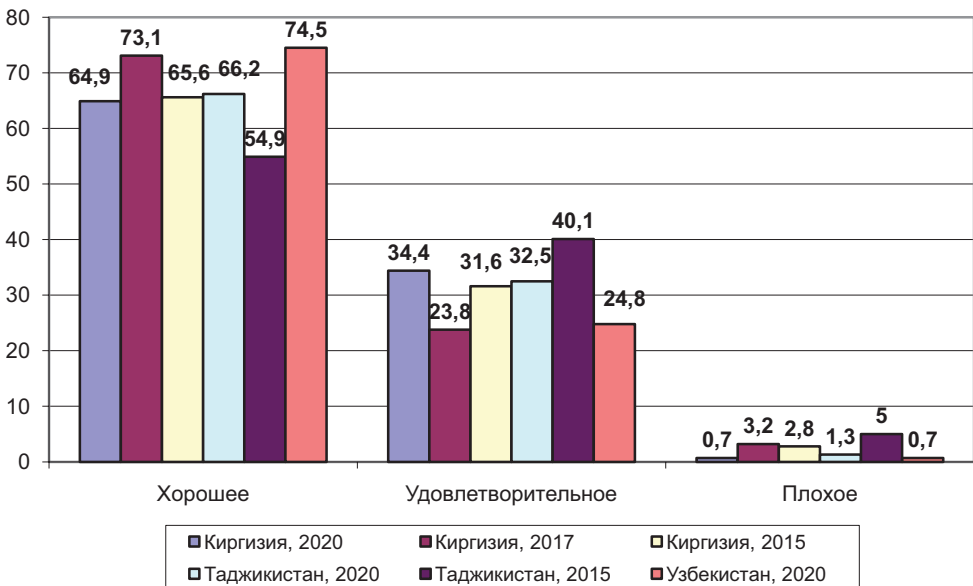
В связи с ограниченностью выборки и для обеспечения возможности сравнений в выборке каждого из трех опросов выделялись три укрупненные возрастные группы: молодежь (18–25 лет), респондентки среднего трудоспособного возраста (26–35 лет) и респондентки более старшего трудоспособного возраста (36–60 лет). Внутри каждой из этих групп соблюдались квоты по опыту работы мигранток в России (50% — с опытом работы 1–2 года, 50% — с опытом работы 3 года и более). Выбранная автором методика формирования выборки отличается от использованной в предыдущих исследованиях среди женщин-мигранток из Средней Азии [Агаджанян, Зотова, 2011] более широким возрастным интервалом, что стало возможно по причине увеличения общего размера выборки.

Описанный подход к формированию выборки опроса не обеспечивает репрезентативность данных, однако дает возможность проведения межгрупповых сопоставлений.

Основные результаты исследования

Общее состояние здоровья

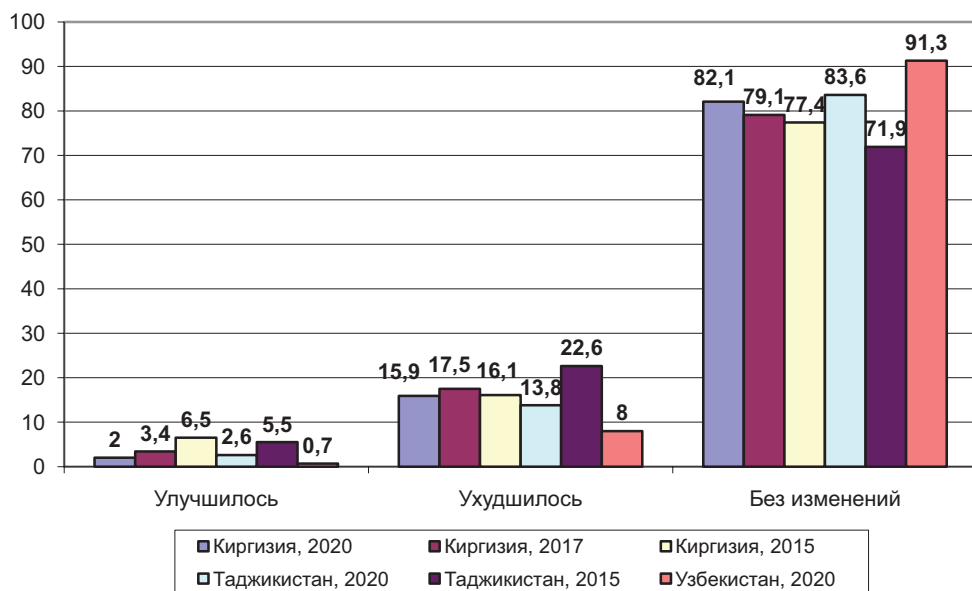
Состояние здоровья мигранток перед наступлением беременности, как будет показано позднее, тесно связано с ее исходом. Несмотря на то что большая часть мигранток на момент въезда в Россию не декларирует проблем со здоровьем, условия работы и проживания ухудшают их общее состояние [Полеатаев, 2020], что имеет негативные последствия при вынашивании ребенка.

Рис. 1. Распределение респонденток по состоянию здоровья, % опрошенных. *Источник:* расчеты автора на данных опросов 2015–2020 гг.

Большинство опрошенных мигранток оценивали свое здоровье как хорошее (от 55% до 75% в зависимости от страны и года опроса; рис. 1). Это объясняется тем, что на заработки выезжают в основном здоровые работницы, готовые к тяжелым условиям труда. Удовлетворительным свое здоровье признали от 24% до 40% опрошенных, а плохим — от 1% до 5% мигранток. В 2020 г. (год развития пандемии коронавируса) в среднем около двух третей (68%) трудовых мигранток из Средней Азии оценивали свое здоровье как хорошее.

Оценка изменений в здоровье за время пребывания в России у женщин из Киргизии за рассмотренные годы практически не изменяется: около 16–17% опрошенных женщин говорят об ухудшении своего здоровья за последний год (рис. 2). 14% мигранток из Таджикистана указывают на ухудшение состояния здоровья в 2020 г. по сравнению с предыдущим, при этом в 2015 г. этот показатель был выше — он достигал 23%. Среди мигранток из Узбекистана доля тех, кто отметил ухудшение здоровья за последний год, была самой низкой — она составила 8% (2020 г.). Об улучшении своего здоровья в течение всего периода наблюдения сообщало от 2% до 7% мигранток. В среднем об ухудшении здоровья сообщила каждая шестая из включенных за все годы опроса в наблюдение мигрантка.

Рис. 2. Распределение респонденток по динамике состояния их здоровья в России, % опрошенных. *Источник:* расчеты автора на данных опросов 2015–2020 гг.

Проведенные опросы показывают, что большая часть включенных в наблюдение мигранток не уделяют достаточно внимания профилактическому надзору за здоровьем и посещают врачей только тогда, когда в этом возникает острая необходимость — об этом заявили от 40% до 50% опрошенных в зависимости от года проведения исследования и страны происхождения мигранток (рис. 3).

При наличии легального трудового контракта мигрантки из стран ЕАЭС имеют право на бесплатное получение полиса обязательного медицинского страхования (ОМС) в России. Среди опрошенных в 2020 г. мигранток из Киргизии 23% имели полис ОМС (на рис. 3 они входят в категорию «другое»). Вместе с 17% мигранток из Киргизии, которые имеют платную медицинскую страховку, эти респондентки формально имели наилучший доступ к медицинским

Рис. 3. Распределение респонденток по используемым методам лечения и профилактики заболеваний, % опрошенных. *Источник:* расчеты автора на данных опросов 2015–2020 гг.

услугам. В то же время 95% респонденток из Киргизии, указавших на наличие полиса добровольного медицинского страхования, сообщили, что его стоимость не превышает 6000 руб., что означает доступ лишь к минимальному набору услуг.

Похожие результаты получены в 2020 г. и при опросе мигранток из Таджикистана и Узбекистана, имеющих платную медицинскую страховку (31% и 27% от численности опрошенных из этих стран соответственно): подавляющее большинство из них (100% и 94% соответственно) покупают полис медицинского страхования стоимостью до 6000 руб. — как правило, для получения патента, но не для полноценного медицинского обслуживания.

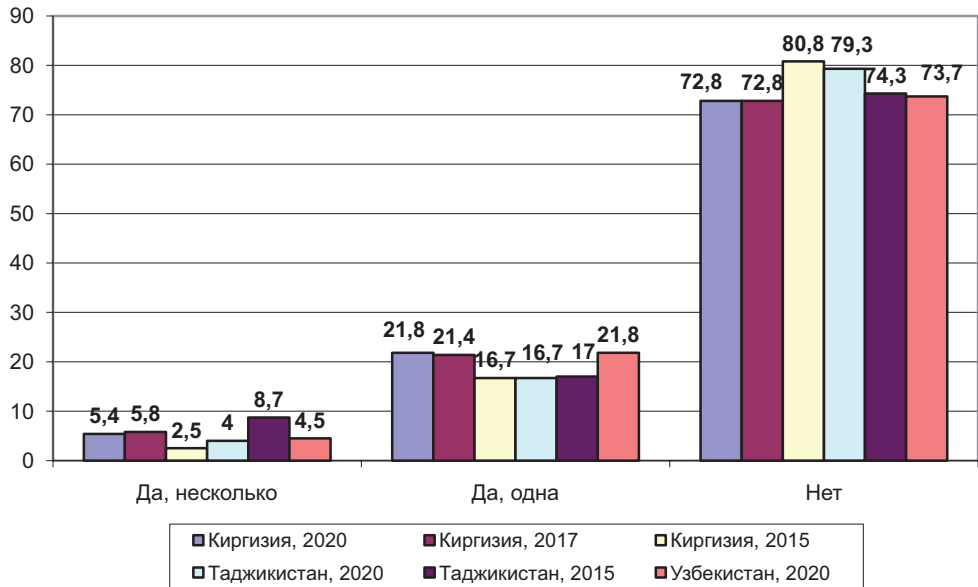
В среднем от 7% до 22% мигранток из разных стран в разные годы опроса указали, что принимают лекарства, которые им советуют знакомые, а от 9% до 19% заявили, что не лечатся никак.

Беременность и роды трудовых мигранток

В трех раундах опроса от 19% до 27% мигранток указывали, что за время пребывания в России имели опыт беременности (рис. 4), причем от 3% до 9% — более одного раза. По сравнению с результатами, полученными в исследовании 2010 г. [Женщины-мигранты..., 2011], мы фиксируем более высокую распространенность опыта беременности в России (примерно в 2–3 раза для однократного опыта и в 3–9 раз в зависимости от выбранного года и группы мигранток — для множественного опыта беременности).

Сопоставление оценок за 2015, 2017 и 2020 гг. для мигранток из Киргизии показывает, что, несмотря на небольшой рост от исследования 2015 г. к исследованию 2020 г., в среднем доля таких женщин остается относительно стабильной, а увеличение показателей происходит и в группе имевших одну беременность (с 16,7% в 2015 г. до 21,8% в 2020 г.), и в группе имевших несколько беременностей (с 2,5% в 2015 г. до 5,4% в 2020 г.).

Среди женщин, приехавших из Таджикистана, мы наблюдаем снижение доли имевших более одного опыта беременности (с 8,7% в 2015 г. до 4,0% в 2020 г.) и стабильные показатели — в группе имевших одну беременность (16,7% в 2015 г. и 17,0% в 2020 г.).

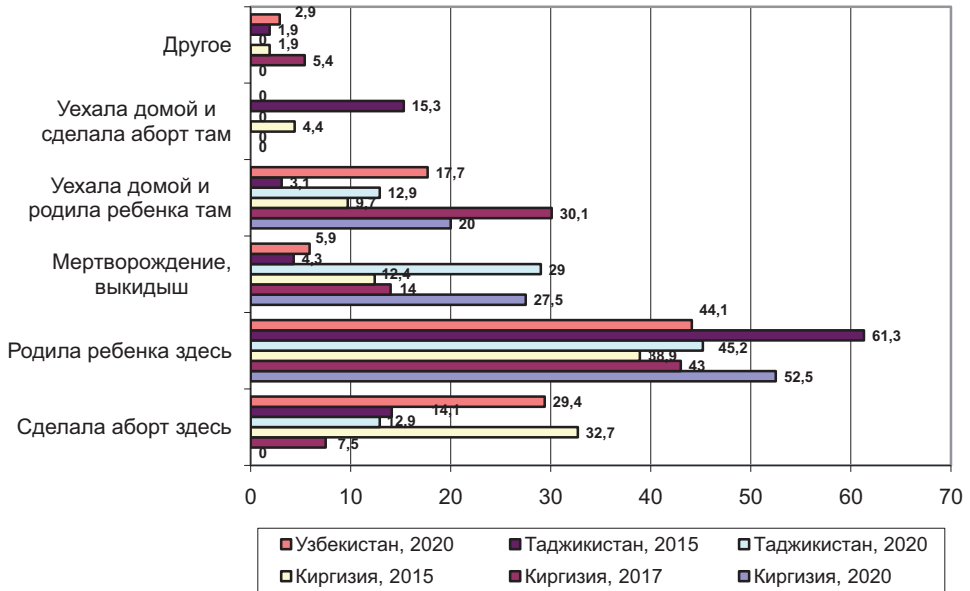
Рис. 4. Распределение респонденток по опыту беременности за время пребывания в России, % опрошенных. *Источник:* расчеты автора на данных опросов 2015–2020 гг.

Среди мигранток из Узбекистана в 2020 г. доли имевших опыт беременности за время пребывания в России в целом (26,3%), однократно (21,8%) и более одного раза (4,5%) оказываются близки к оценкам по женщинам из Киргизии и Таджикистана (рис. 4).

Основным исходом беременности опрошенных мигранток является рождение ребенка, как правило, во время нахождения в России (рис. 5): так ответили от 39% до 61% респонденток, имевших опыт беременности, в зависимости от страны и года исследования; это составляет от 8% до 18% общей численности включенных в выборку женщин. Опрос 2020 г. показал, что в страну исхода для рождения ребенка уехали 20% опрошенных мигранток из Киргизии, 13% — из Таджикистана и 18% — из Узбекистана.

Следует обратить внимание на то, что доля женщин, потерявших ребенка из-за выкидыша или мертворождения, в 2020 г. среди респонденток из Киргизии и Таджикистана была очень высокой (28% и 29% имевших опыт беременности соответственно). Эти показатели кратно превышали долю прервавших беременность среди опрошенных (8% и 14% имевших опыт беременности соответственно). Это может свидетельствовать о плохих условиях проживания, питания и труда во время беременности, а также о неудовлетворительном состоянии здоровья мигранток. Проведенный опрос показал, что большинство женщин до родов не наблюдаются в женской консультации. В результате отсутствие врачебного наблюдения беременности не диагностируются патологии матери и будущего ребенка, не назначается необходимое лечение, а госпитализация мигранток при родах происходит в инфекционные отделения роддомов, что в совокупности существенно повышает риски как младенческой, так и материнской смертности.

Ответы на вопрос о прерывании беременности следует интерпретировать с осторожностью: вопрос является сенситивным, и это может особенно сильно проявляться в группе

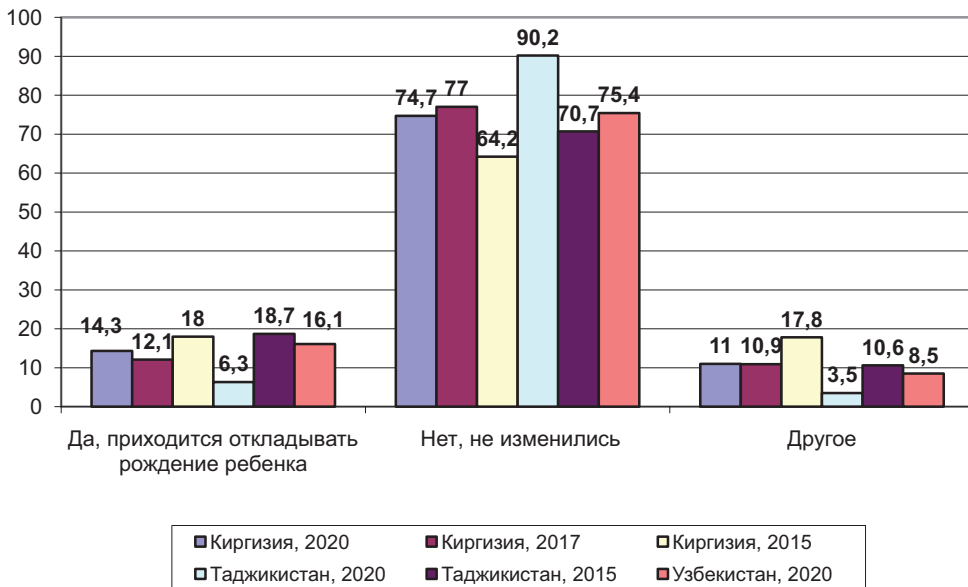

Рис. 5. Распределение респонденток по исходу беременности за время пребывания в России, % имевших опыт беременности. *Источник:* расчеты автора на данных опросов 2015–2020 гг.

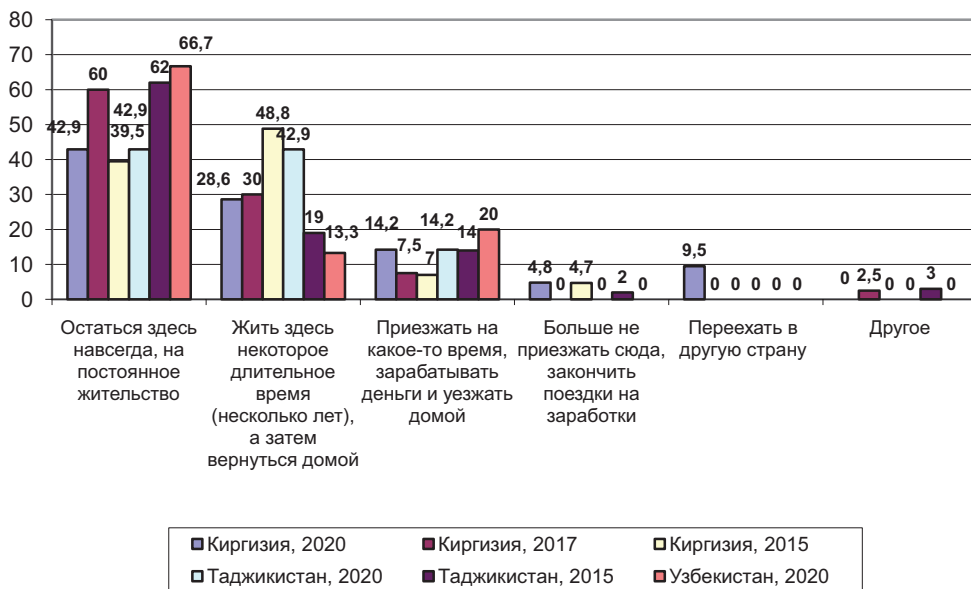
мигранток из Средней Азии. Тем не менее проведенные опросы показали, что среди включенных в выборку киргизок доля тех, кто прерывал беременность в России, варьируется от 33% имевших опыт беременности в 2015 г. до 8% — в 2017 г. и 0% — в 2020 г. Среди имевших опыт беременности респонденток из Таджикистана доля прервавших ее в России составила 13% в 2020 г. и 14% — в 2017 г. В 2020 г. самая высокая доля респонденток, прервавших беременность в России, зафиксирована среди мигранток из Узбекистана (29% имевших опыт беременности). При этом в том же году никто из опрошенных женщин не указал на отъезд на родину для прерывания беременности, что может быть связано с ограничениями на перемещения в связи с пандемией. В 2015 г. среди имевших опыт беременности респонденток из Таджикистана таких было 15%, а среди респонденток из Киргизии — 4%. С учетом происходящего увеличения доли одиноких и незамужних женщин в структуре прибывающих мигрантов можно предположить, что они, в отличие от замужних женщин, активно стараются применять контрацепцию и в любом случае не считают возможным делать аборт на родине, чтобы избежать сплетен и пересудов. К сожалению, ни в одном из трех опросов респонденткам не был задан вопрос об их возрасте и семейном статусе во момент наступления беременности, поэтому об обстоятельствах, при которых мигрантки принимают решение о ее прерывании (сопряженном с риском для здоровья), говорить не представляется возможным. Однако в целом проведенные опросы показывают, что среди опрошенных мигранток доля прервавших беременность в России в 2–3 раза выше, чем тех, кто для этого возвращался на родину.

Полученные данные свидетельствуют, что нахождение в миграции оказывает влияние на репродуктивные планы женщин (рис. 6). Так, среди опрошенных мигранток из Киргизии доля тех, кто отложил рождение ребенка в связи с трудовой миграцией, в 2015–2020 гг. находилась на уровне 12–18%, среди респонденток из Таджикистана — составила 6% (2020 г.), а среди респонденток из Узбекистана сократилась с 19% в 2015 г. до 16% в 2020 г.

Рис. 6. Распределение респонденток по изменению репродуктивных планов в связи с отъездом из дома на работу, % опрошенных. *Источник:* расчеты автора на данных опросов 2015–2020 гг.

Рис. 7. Распределение респонденток по дальнейшим планам пребывания в России, % опрошенных. *Источник:* расчеты автора на данных опросов 2015–2020 гг.

Большинство опрошенных в 2015, 2017 и 2020 гг. мигранток из Средней Азии (от 72% до 86% в зависимости от года и страны происхождения респондентов) планировали оставаться в России на постоянное место жительства; это верно и для мигранток, имевших опыт беременности. Доля тех, кто планировал приезжать только на заработки и потом возвращаться домой, во все годы не превышала 14% среди мигранток из Киргизии и Таджикистана и 20% — среди мигранток из Узбекистана.

Обсуждение результатов

Данные проведенных опросов свидетельствуют о низкой распространенности берегающего здоровье поведения среди мигранток — в первую очередь это, по-видимому, связано с их условиями жизни в России и ограниченными финансовыми возможностями. В то же время это схоже с отношением к своему здоровью у россиян, которые также не склонны к его сбережению и профилактике заболеваний [Половина россиян..., 2021]: около половины россиян (53%) обследуются у врачей менее одного раза в год, 48% работают по ненормированному графику, нерегулярно питаются или употребляют вредную пищу, больше трети россиян постоянно испытывают стрессы (39%), имеют вредные привычки и пренебрегают занятиями спортом (по 37%).

При сравнении состояния здоровья мигранток из Киргизии (страна входит в ЕАЭС) и мигранток из Таджикистана и Узбекистана (страны не входят в ЕАЭС) необходимо учитывать, что они имеют разные возможности доступа к российской медицине. В договоре «О Евразийском экономическом союзе» есть раздел о медицинских льготах, предусмотренных для мигрантов и членов их семей (законная супруг(а), дети и другие близкие родственники, которые находятся на иждивении мигранта) [Договор о Евразийском..., 2014]. Страховой полис ОМС, дающий право на бесплатное лечение, с 1 января 2017 г. выдается гражданам государств ЕАЭС, работающим на основе легального трудового договора сроком до конца календарного года, но не более срока действия трудового договора; для его получения необходимо обратиться в Фонд обязательного медицинского страхования или в другие страховые учреждения по месту пребывания. В список медицинских услуг, оказываемых по полису ОМС, входит специализированная медицинская помощь, включающая профилактику, диагностику и лечение в период беременности, родов, послеродовой период. В то же время члены семей работающих граждан из стран ЕАЭС не могут рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь [Московский городской фонд..., 2021]. Трудовым мигрантам — гражданам государств, не входящих в ЕАЭС, не имеющим полиса ОМС, бесплатная скорая медицинская помощь оказывается только при получении опасной для жизни травмы в результате несчастного случая (с 2020 г. в эту категорию российскими властями включен и коронавирус).

Полученные в работе результаты следует интерпретировать с учетом того, что процесс оценки и система отчета, используемые для формирования суждений о состоянии здоровья, различаются у мигрантов и местного населения. Использование самооценки здоровья, безусловно, могло привести к некоторым искажениям реальных данных. Можно выделить три причины таких искажений [Герри, Байдин, 2017]. Первая связана с неравенством в доступе к медицинскому обслуживанию (различного качества), доступу к подробному обследованию организма, а также ограниченной грамотностью в области здоровья, равно свойственной как россиянам, так и мигрантам. Вторая причина — так называемое «уклонение от диагноза». Это поведение бывает преднамеренным, связанным с ограниченными финансовыми и временны-

ми ресурсами (что в итоге может привести к позднему вмешательству и осложнениям в лечении) или с лечением стигматизированных заболеваний (например, ВИЧ), и непреднамеренным — это уклонение от диагноза из-за культурных различий в обращении за медицинской помощью между мигрантами и местным населением. Третья причина искажений при самооценке здоровья связана с тем, что люди будут давать разные оценки собственному здоровью в зависимости от субъективного восприятия, ожиданий и надежд, связанных со здоровьем, и понимания анкетного вопроса. Несмотря на это Всемирная организация здравоохранения рекомендует использовать самооценку здоровья как один из основных индикаторов для мониторинга здоровья и качества жизни населения [Герри, Байдин, 2017], указывая на надежность и справедливость этого показателя.

Усиление потока женщин — трудовых мигранток в Россию привело к постепенному увеличению числа детей-мигрантов, прибывающих с ними или рожденных уже в России [Защита прав москвичей..., 2014; Полетаев и др., 2018]. Вопрос о родах трудовых мигранток из Средней Азии в России является острой темой [Флоринская, 2014], иногда получающей излишне эмоциональную окраску в СМИ [Бородина, 2013].

По данным опроса, проведенного Центром миграционных исследований в 2010 г., среди 1068 мигранток из СНГ (Узбекистан — 30%, Украина — 17%, Киргизия — 13%, Таджикистан — 10%, Молдавия — 9%, Армения — 7%) беременность в России хотя бы раз наступала у каждой десятой; несколько беременностей было только у 1% отвечавших. Чаще всего беременности заканчивались их прерыванием в России — такой ответ дали 42% женщин референтной группы (табл. 2). Еще 7% опрошенных мигранток, имевших опыт беременности, уезжали для ее прерывания на родину, 32% — рожали ребенка в России, 6% — в стране исхода; мертворождение или выкидыш случались примерно у каждой десятой мигрантки этой группы (11%).

Таблица 2. Распределение мигранток из стран СНГ в России по исходам беременности, 2010, %

Ответы	% от всех опрошенных	% от численности опрошенных женщин, имевших опыт беременности в России
Нет ответа	0,1	0,9
Прервала беременность в России	3,8	41,7
Родила ребенка в России	3,0	32,4
Мертворождение, выкидыш	1,0	11,1
Уехала домой и прервала беременность в стране исхода	0,6	6,5
Уехала домой и родила ребенка в стране исхода	0,5	5,6
Другое	0,2	1,9
Всего	9,2	100,0

Источник: [Женщины-мигранты, 2011: 132].

Опросы 2015, 2017 и 2020 гг. зафиксировали достаточно высокую распространенность опыта беременности в России среди попавших в выборки мигранток из Средней Азии. Это может свидетельствовать о том, что трудовая миграция становится жизненной стратегией, в рамках которой мигрантки все чаще решают весь комплекс своих семейных вопросов, в том числе связанных с рождением детей. Само по себе такое наблюдение важно для дальнейшего осмысления и развития миграционной политики России, которая пока не является гендерно чувствительной, хотя мигрантки уже стали постоянной составляющей как российского рынка труда, так и российского общества. При этом необходимо подчеркнуть важность улучшения качества и расширения количества показателей гендерно окрашенной миграционной статистики, без которой крайне затруднительны комплексное планирование управления потоками внешней миграции и интеграция различных групп мигрантов в России.

Распространенность прерванных беременностей, по-видимому, можно увязать с уровнем контрацептивной культуры на родине у мигранток из Средней Азии. Судя по опросам, связанным с ВИЧ [Полетаев, Флоринская, 2015], просвещение в этой сфере лучше налажено в Киргизии по сравнению с Таджикистаном и особенно Узбекистаном.

При сравнении распространенности прерывания беременностей у мигранток из Средней Азии и у россиянок мы сталкиваемся с методологическими трудностями, так как включенные в данную работу сведения по мигранткам основаны на специфическом выборочном опросе и одновременно отражают число аборт за весь их период пребывания в России, а данные по России имеют сплошной характер и показывают, какая доля беременностей в конкретном году заканчивается прерыванием. В 2018 г. на 100 рождений в России пришлось 41 прерванная беременность, то есть доля абортов достигала 29% [Население России 2018, 2020]. Но в течение нескольких десятилетий до 2007 г. годовое число абортов в России превышало число родов, а в последние годы ситуация значительно улучшилась. Таким образом, по самым приблизительным оценкам можно сказать, что доля прерванных беременностей среди мигранток из Средней Азии, вероятно, не превышает аналогичный показатель россиянок.

В выборках трех раундов проведенного опроса доля женщин — трудовых мигранток из Средней Азии, имевших опыт беременности в России, остается стабильной (а у мигранток из Киргизии эта доля растет и по группе имевших одну беременность, и по группе имевших несколько беременностей), при этом основной стратегией исхода беременности опрошенные мигрантки выбирают рождение ребенка в России. Вероятно, это свидетельствует о том, что качество медицинской помощи в России как минимум не ниже (а скорее всего — выше), чем в странах происхождения, в связи с чем мигрантки из Средней Азии предпочитают при наличии возможности рожать ребенка, не уезжая на родину. Очевидно, что необходимы специальные уточняющие исследования по мигранткам, рожавшим детей вне официально зарегистрированного брака, однако в отношении рождения ребенка в официальном браке это рассуждение применимо.

Заключение и перспективы работы

В выборках опросов 2015, 2017 и 2020 гг. обнаружены большие доли мигранток, имевших опыт беременности и родивших детей в России, и меньшие доли мигранток, прервавших беременность, чем зафиксировало исследование 2010 г. [Женщины-мигранты..., 2011]. Эти различия могут свидетельствовать об изменении репродуктивного поведения женщин, приезжающих на работу из стран Средней Азии, переориентации на долгосрочное пребывание в России, формирование семей и рождение детей в этой стране.

В то же время условия пребывания трудовых мигранток из Средней Азии в России, а также режим и характер их работы, с одной стороны, могут становиться для части женщин причиной откладывания рождения ребенка, а с другой — приводить к повышенным рискам для здоровья и повышать долю неблагоприятных исходов беременности. Об этом свидетельствуют результаты опроса 2020 г.: в сформированной выборке доля трудовых мигранток из Киргизии и Таджикистана, потерявших ребенка из-за выкидыша и мертворождения, превышает долю прервавших беременность (для мигранток из Узбекистана соотношение прерываний и потерь иное — 29% против 6%).

Несмотря на лучшие возможности наблюдения беременности в женских консультациях для трудовых мигранток из ЕАЭС, далеко не все пользуются такими возможностями (среди попавших в выборку опроса мигранток из Киргизии в 2020 г. — 23%). Они не прикрепляются к женским консультациям, в том числе и из-за оформления фиктивных трудовых контрактов, что блокирует возможность получить полис ОМС, предусмотренный законодательно при наличии легального трудового договора.

При постепенной феминизации трудовой миграции из Средней Азии в Россию беременность и роды трудовых мигранток нередко проходят в рискованных жизненных условиях, поэтому сложившаяся система охраны женского здоровья и материнства для них в России нуждается в модернизации.

Проведенные автором в 2015, 2017 и 2020 гг. опросы не были сосредоточены на изучении репродуктивного поведения женщин — мигранток из Средней Азии; вопросники также включали такие блоки, как «занятость в России», «интеграция», «жилищные условия», «миграционные планы» и проч., однако по итогам проведенного анализа необходимость таких исследований становится очевидной. В фокусе будущих исследований должно оказаться репродуктивное поведение не только работающих женщин — мигранток из Средней Азии, но и безработных; дополнительно необходимо собирать подробную информацию о порядке наступающих беременностей и рождений, мотивах к рождению ребенка в России, возможностях получения медицинской помощи в разных регионах страны, локальном опыте обеспечения иностранок медицинской помощью. В развитии и расширении также нуждается система миграционной статистики в России: она должна стать гендерно чувствительной.

Благодарность

Статья подготовлена по итогам регионального проекта Международной организации по миграции «Снижение влияния социально-экономических последствий пандемии COVID-19 на мигрантов и сообщества в Центральной Азии и Российской Федерации» (2020 г.), проекта Тянь-Шаньского аналитического центра АУЦА «Мониторинг реализации прав трудящихся мигрантов из Кыргызской Республики в Российской Федерации и Республике Казахстан в соответствии с условиями присоединения Кыргызской Республики к Протоколу ЕАЭС» (2017–2018 гг.) и проекта DFID «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России» (2015 г.)

Список литературы

Агаджанян В., Зотова Н. (2011) Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly: 465–466. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php>

- Алиев С.Б. (2016) Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/spreads.pdf>
- Герри К.Д., Байдин В.М. (2017) Источники искажений в самооценке здоровья // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология: 10 (4): 31–6. <https://doi.org/10.17749/2070-4909.2017.10.4.031-036>
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России (2011) Серия: Миграционный барометр в Российской Федерации / под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pfwv3yiwye/direct/81010041.pdf>
- Защита прав москвичей в условиях массовой миграции (2014) М.: Центр миграционных исследований, Уполномоченный по правам человека в городе Москве. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/sqt2bb2rqk/direct/141960349.pdf>
- Ивахненко Г.А. (2013) Здоровье трудовых мигрантов в России // Социология медицины: 2(23): 48–51. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20929863_54530007.pdf
- Ивахнюк И.В. (2008) Евразийская миграционная система: теория и политика. М.: МАКС Пресс.
- Кислицына О.А. (2013) Различия в состоянии здоровья мигрантов и коренного населения в России и других странах Европейского региона // Социальные аспекты здоровья населения: 3(31): 1–20. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19399048_12291695.pdf
- Население России 2018 (2020) Двадцать шестой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров, НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r18/sod_r.html
- Насритдинов Э.З., Олимова С.К., Полетаев Д.В. (2016) Анализ конъюнктуры рынка труда в РФ в целях эффективного трудоустройства трудящихся-мигрантов из КР и РТ. Трудовая миграция в РФ, КР и РТ. Аналитический доклад. Бишкек: Тянь-Шаньский аналитический центр Американского университета в Центральной Азии. URL: https://www.fergananews.com/archive/2017/Report_Book_Final_version_Rus_02_2017.pdf
- Нафеев А.А., Тихонов В.М., Асанов Б.М., Булгаков С.Н., Магомедов М.А. (2013) Факторы эпидемиологического риска в связи с трудовой миграцией // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины: 5: 10–12. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21183947_69342324.pdf
- Пешкова В., Рочева А. (2013) Мигрантки из Средней Азии в большом городе и беременность: выбор, проблемы, перспективы // Демоскоп Weekly: 555–556. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0555/analit03.php>
- Полетаев Д.В. (2016) Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности / отв. ред. Малахов В.С., Симон М.Е. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С 263–83.
- Полетаев Д.В. (2020) Здоровье трудовых мигрантов из ЕАЭС в России (на примере мигрантов из Киргизии) / Научные труды ИНП РАН. С. 521–41. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-521-541>
- Полетаев Д.В. (2021) Отчет о результатах исследования социально-экономических последствий пандемии COVID-19 для мигрантов из Центральной Азии, пребывающих на территории Российской Федерации. М.: Бюро МОМ в Москве. URL: http://moscow.iom.int/sites/default/files/survey_rf_covid_2021_small_0.pdf
- Полетаев Д.В., Зайончковская Ж.А. (2019) Доступ детей мигрантов к здравоохранению (на примере Москвы) // Социальная политика и социология: 18(3): 44–54. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-3-44-54>

- Полетаев Д.В., Зайончковская Ж.А., Михайлов Д.А. (2018) Проблемы защиты прав детей, не имеющих гражданства Российской Федерации, в городе Москва. М.: Уполномоченный по правам человека в городе Москве. РОО «Центр миграционных исследований». URL: [http://ombudsman.mos.ru/user/user/images/Дети%20\(мигранты\)%20Макет%20Вобложка.pdf](http://ombudsman.mos.ru/user/user/images/Дети%20(мигранты)%20Макет%20Вобложка.pdf)
- Полетаев Д., Злобина Т. (2018) Мониторинг реализации прав трудящихся мигрантов из Кыргызской Республики в Российской Федерации и Республике Казахстан в соответствии с условиями присоединения Кыргызской Республики к Протоколу ЕАЭС. Бишкек: Тянь-Шаньский аналитический центр Американского университета в Центральной Азии.
- Полетаев Д.В., Флоринская Ю.Ф. (2015) Осведомленность мигрантов о туберкулезе и ВИЧ-инфекции. М.: Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Российский Красный Крест, Партнерство Лилли по борьбе с МЛУ-ТБ. URL: https://umedp.ru/upload/iblock/b76/os_mig_o_tub_aids-approved.pdf
- Трудовая миграция и вопросы здравоохранения (2010) Материалы круглых столов. М.: МОМ. URL: https://moscow.iom.int/russian/publications/trudmigrac_and_zdravoohranenie-mod2.pdf
- Флоринская Ю. (2012) Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп Weekly: 515–516. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php#_FNR_1
- Флоринская Ю. (2014) Мигранты и московское здравоохранение // Демоскоп Weekly: 605–606. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema05.php>
- Poletaev D. (2018) Les travailleurs migrants face à la tuberculose en Russie et au Kazakhstan: résultats d'une enquête exemplaire // Cahiers d'Asie centrale: 27: 239–67. URL: <https://journals.openedition.org/asiacentrale/4068>
- Poletaev D. (2019) From Mistrust to Solidarity or More Mistrust? // Russia in Global Affairs: 17(1): 171–200. <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-1-171-200>

Другие источники информации

- Бородина Т. (2013) ФМС будет выявлять нелегальных беременных мигранток и депортировать // Известия, 11 декабря. URL: <https://iz.ru/news/562255> (дата обращения: 31.08.2021)
- Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 11.12.2021)
- Московский городской фонд обязательного медицинского страхования (2021). URL: <https://www.mgfoms.ru/chastnye-lica/poluchenie-polisa-oms/trudyashchiesya-inostrannye-grazhdane>
- Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года с распределением по странам и регионам (2020). Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.пф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602> (дата обращения: 31.08.2021)
- Половина россиян ведут нездоровый образ жизни. НАФИ. 25.03.2021. URL: <https://nafi.ru/analytics/polovina-rossiyan-vedut-nezdorovy-obraz-zhizni/> (дата обращения: 31.08.2021)

Информация об авторе

- Дмитрий Вячеславович Полетаев — кандидат экономических наук, директор Региональной общественной организации «Центр миграционных исследований», ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. E-mail: dmitrypoletaev@yandex.ru